

Омаршаева Эльмира Магомедовна

кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель кафедры
литературы народов России
Дагестанского государственного университета
umaalikhانva@rambler.ru

ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ ДАГЕСТАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Аннотация:

Данная статья посвящена категории времени в дагестанском историческом романе. На материале произведений А. Абу-Бакара, Х. Алиева, И. Керимова, М. Магомедова, К. Меджидова, А.П. Соловьева, М. Хуршилова и М.С. Яхьяева исследуются различные аспекты понятия «время», а также фольклорные традиции и новаторство в способах освоения названной категории.

Ключевые слова:

время, типология, традиции и новаторство, историзм, фольклор, дагестанский роман, жанр, поэтика.

Omarshaeva Elmira Magomedovna

Candidate of Philology, associate professor,
lecturer of the chair of
literature of peoples of Russia,
Dagestan State University
umaalikhانva@rambler.ru

TIME ASPECT OF DAGESTAN HISTORICAL NOVEL

The summary:

This article is devoted to the category of time in the Dagestan historical novel. The different aspects of the concept of "time" and also the folk traditions and innovations in the ways of development of the called category are investigated on the material of the compositions of A. Abu-Bakar, H. Aliyev, I. Kerimov, M. Magomedov, K. Mejidov, A.P. Soloviev, M. Hurshilov and M.S. Yakhyaev.

Keywords:

time, typology, tradition and innovation, historicity, folklore, Dagestan novel, genre, poetics.

Ключевым атрибутом исторического романа является изображение хода времени, переломных кризисных моментов.

«Романный сюжет, как правило, ограничен... во времени – тем периодом их жизни, который необходим для становления или проявления их сознания, жизненной позиции» [1, с. 75].

Предметом нашего рассмотрения стал временной аспект следующих произведений: «Манана» А. Абу-Бакара, «Батырай» Х. Алиева, «Махач» И. Керимова, романы М. Магомедова («Горы и степь», «Гром над горами», «Мечь», «Раненые скалы»), «Доктор с белой прядью» К. Меджидова, «Рождение государства» и «Сын Мариона» А.П. Соловьева, «Сулак-свидетель» М. Хуршилова, «В полдневный жар... (Роман о Джелалутдине Коркмасове)» и «Три солнца: Повесть об Уллубии Буйнакском» М.С. Яхьяева.

Герои романа М. Хуршилова «Сулак – свидетель» очень динамичны: их жизненные позиции находятся в прямой зависимости от времени. Биографическое время их жизни способно сжиматься в критические моменты, так что самый долгий день может мелькнуть, как один короткий миг, и наоборот: «Бывают... годы – одного дня не стоят, но бывают дни – стоят сотен лет» [2, с. 213].

Время календарное символично: «день – светлая полоса, весна – пробуждение жизни и т.д.» [3, с. 9]. В романе К. Меджидова «Сердце, оставленное в горах» доктор Ефимов весной встретил красавицу Алван, которая стала для него любовью всей жизни, осенью же расстался с ней. М. Бахтин в свое время указывал на прямую связь природы и человека: «Жизнь природы и человеческая жизнь... слиты... События человеческой жизни так же грандиозны, как и события природной жизни (для них одни слова, одни тона, притом отнюдь не метафорические)...» [4, с. 360].

Время незримо присутствует в любом произведении искусства, а в историческом романе – это, несомненно, самый важный персонаж, определяющий жизнь каждого героя. Дагестанские авторы, следуя фольклорной традиции, проводят аналогию между природным времяисчислением и человеческим: так, таинство рассветного часа, наподобие рождения, признается самым прекрасным, особенно, если этот рассветный час – весенний, «всегда и всеми желанный, – время цветения, время обновления» [5, с. 15].

Излюбленное время года авторов дагестанских исторических романов – весна как символ пробуждения революционного сознания в народе. Это время года, которое «словно торопится подчеркнуть контраст между жизнью и смертью» [6, с. 173], то есть между отжившим, реакционным и прогрессивным, жизнеутверждающим; это пора, которая приносит во все сакли «свежее, как воздух из окна, веяние будущего» [7, с. 165].

Время – лейтмотив исторических романов, скрепляющий, казалось бы, несоизмеримые категории: удачи и провалы, радости и невзгоды, несчастья и восторги и такие разные человеческие судьбы; «Царствуют времена, а не цари» [8, с. 134].

В романе, как правило, отсутствует точная фиксация хронологии исторических событий или дат личной жизни. Основными обозначениями времени выступают слова «однажды», «прошел день», «через год» и т.д. Фольклорному же принципу характерна точная хронология. Это подтверждается тем, что в романе преобладает ступенчатый способ повествования и построения сюжета, то есть имеет место последовательное нанизывание событий, свойственное фольклору и ранним этапам литературы.

Время в литературе реализуется и благодаря связи событий: причинно-следственной или психологической, ассоциативной. «Время в художественном произведении – это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотношенность событий» [9, с. 154].

Время в дагестанских исторических романах кризисное, переломное: это «время обид» [10, с. 123]. Немногие выдерживают его, так как это период социальных потрясений и торжествующего зла, которое ведет свою непрерывную дьявольскую летопись. Так, А.П. Соловьев в своих романах «Сын Мариона» и «Рождение государства» изображает эпоху, когда «человек верил Богу больше, чем себе, а мечу больше, чем Богу» [11, с. 70].

«Время митингов» [12, с. 35], как характеризует его М.-С. Яхьяев в романе «Три солнца», миновало. Большевики очень тонко чувствуют стремительно меняющиеся потребности эпохи, даже газету свою они называют «Время». В качестве первоочередной задачи они ставят перед собой разъяснительную работу среди масс: время насилия безвозвратно кануло, уступив место идеологическим (информационным) войнам. Их девиз – «Время работает на нас. Если мы хотим победить, мы должны научиться опережать время!» [13, с. 167].

Но всегда находится нечто вечное и неизблемое, способное противостоять всем невздам, логике вопреки: так, в романе А. Абу-Бакара «Манана» материнская колыбельная, льющая в первый день двадцатого века, побеждает даже пушечную канонаду. Под ее звуки человек невольно спрашивает себя, почему выросшие под эти песни люди порой черствеют, становятся злыми и несправедливыми, «будто мало места на земле, под этим голубым куполом, этим чудом, созданным для восхищения разума» [14, с. 4].

Есть и другая вечность: вечность зла, корень же всякого зла, как известно, – корысть. Герой А. Соловьева казначей Аскал рассуждает о деньгах и приходит к выводу, что слава людская – это брэнность. Единственное, что вечно, – золото: «Только оно, государь, вечно! Будешь чеканить монеты, вели выбить на лицевой стороне свое изображение – и станешь вечен! Золото донесет до потомков твое имя!» [15, с. 371]. За динарии можно приобрести любовь женщин, верность подданных, отвагу воинов; из-за них «гибнут государства, брат вонзает нож в спину брата, жена травит ядом мужа, сыновья душат стариков – отцов!..» [16, с. 371].

«Другие времена – другие песни!» [17, с. 39]. Время мирных колыбельных прошло, настала эпоха военных маршей; кругом хаос и анархия. Воздух двадцатого века наэлектризован, будто перед грозой, и горец из самого далекого аула чувствует этот ветер перемен. «Время нынче, как натянутая тетива» [18, с. 164]. А. Абу-Бакар, как и другие дагестанские авторы, фокусирует внимание на самом напряженном историческом отрезке, когда во все уголки Кавказа проникали новые мысли о свободе трудового человека от угнетателей, о необходимости социального равенства: «И каждый народ искал в своем языке чистое слово, которое в полном смысле выражало бы эти думы и эти стремления. И горцы взяли слово «цадеш» – единение» [19, с. 67].

Для постижения сущности явлений очень полезна дистанция между автором и тем, что он изображает, «дистанция идеологическая, временная, пространственная» [20, с. 26]. Для исторического романа эта временная дистанция является обязательным условием жанра. Исторический роман в основном оперирует двумя действительностями. Настоящее раскрывается через прошлое, прошлое «прорастает» в настоящем, при этом авторское видение играет первостепенную роль. «Оно-то и служит своеобразным камертоном в выработке жанрового содержания, образующего концепцию произведения» [21, с. 28]. Чем ближе к нам произведение хронологически, тем и герои ее ближе к нам как люди, то есть «они более реалистичны, в них меньше эпической возвышенности и гиперболизации, больше психологизма» [22, с. 123].

В романских критериях прошлое, настоящее и будущее равнозначны и взаимозависимы, поэтому авторы исторических произведений с такой легкостью проникают время и пространство в поисках волнующих ответов («...Будущее следует отыскивать в прошлом» [23, с. 91]). «Кто в Дербенте не знает воина Мариона, тот равнодушен к прошлому, а кто безразличен к его сыну, того не интересует будущее» [24, с. 97], ведь будущее вырастает из сегодняшнего состояния дел. Вместе с тем на будущее невозможно повлиять: оно незаметно вершится, смешивая белое и черное, причины и следствия, так что вчерашняя ложь становится сегодняшней правдой.

Часы в романе «Сулак – свидетель», «как бы поглощая время, хищно чавкают» [25, с. 47]. Мудрец же Ойчу восклицает: «Мириады и мириады людей, тысячи и тысячи народов канули в Лету и никогда не воскреснут! Уйдем скоро за ту черту и мы с тобой, уйдут и албаны, и хазары – и выветрится память о нас... Кто через тысячу лет вспомнит о тебе и обо мне?» [26, с. 200]. Неодолимый поток времени, играючи сносит все плотины, и дагестанские авторы пытаются найти хоть какой-то смысл и закономерности в истории, больше похожей на череду хаотичных и трагических случайностей. «Жизнь – всего лишь искра, мгновение, но эти искры вспыхивают и гаснут, освещая путь небесному своду, ибо только они мириадами своих мерцаний освещают будущее и гаснут в прошлом. Лишь для вечности не существует ни того, ни другого» [27, с. 200]. Но герои все же предпочитают один день «здесь», чем тысячу лет «там», спешат жить и творить, как это делает, например, Батырай. Благодаря его песням, «этот мир, тесный, как яма, и темный, как ночь, становится шире и светлее...» [28, с. 58].

Но большевики под пером дагестанских авторов берут на себя небывалую задачу: они творят собственное, «классовое» будущее, снабжая категорию Времени социальными характеристиками. Имя данной утопии – коммунизм как весьма близкое будущее. Уллубий Буйнакский и его товарищи в романе М.-С. Яхьяева «Три солнца» борются за утверждение такой власти, которая создаст все необходимые предпосылки для построения идеального общества.

Прошлое всегда «виновато» перед будущим, как виноват отец перед сыном за неправильное воспитание; может, потому дагестанские авторы столь часто обращают свои взоры назад. «Память о прошлом – мудрость настоящего» [29, с. 249], и персонажи исследуемых произведений то и дело «оглядываются».

Так, в романе Х. Алиева «Батырай» время охватывает жизнь героя с юношеских лет до смерти. Однако не все события выписаны в хронологической последовательности. Обращаясь к воспоминаниям, герои реконструируют события, значительные для главной идеи произведения. «Целенаправленное нарушение хронологической последовательности в романном повествовании позволяет автору освободиться от скучного бытописательства, от рутинной описательности» [30, с. 401].

Единственное, что можно противопоставить Времени, – это память как способ, пусть и иллюзорный, отмотать пленку прожитого назад. Недаром эпитафией к произведению М. Хуршилова является цитата из М. Лермонтова: «...Не сгладит время их глубокий след: / Всё в мире есть, забвенья только нет!» [31, с. 3]. Потому герои дагестанских исторических романов пытаются оставить свой след в общечеловеческой летописи, хоть как-то увековечиться. Нет ничего страшнее, чем погибнуть, не совершив ни одного подвига, ибо никто не вспомнит о тебе, «не прославит тебя певец в песне на земле, и там, на небесной равнине, ты будешь вечно скитаться во мраке и холоде, одинокий, уподобленный искалеченному шакалу...» [32, с. 213].

Таким образом, временной аспект дагестанского исторического романа представлен весьма разнообразно. Время – лейтмотив данного типа произведений, скрепляющий самые полярные категории. Дагестанские авторы во многом следуют фольклорной традиции, в частности используя ступенчатый способ повествования и построения сюжета. Единственное, что противопоставляют дагестанские авторы Времени, – это память, потому герои их романов всеми силами пытаются оставить свой след в общечеловеческой летописи, спешат увековечиться. Время в дагестанских исторических романах кризисное, переломное, и большевики тонко чувствуют его потребности. Поборники революции под пером дагестанских авторов творят собственное «классовое» будущее; таким образом, категория Времени, помимо традиционного философского наполнения, обретает социальные характеристики.

Ссылки:

1. Эсалнек А.Я. Типология романа. (Теоретические и историко-литературные аспекты). М., 1991.
2. Меджидов К. Доктор с белой прядью. М., 1971.
3. Рамазанова П.К. Хронотоп в дагестанском историческом романе: автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2005.
4. Там же.
5. Абу-Бакар А. Манана. Махачкала, 1987.
6. Керимов И. Махач. Махачкала, 1964.
7. Там же.
8. Абу-Бакар А. Указ. соч.
9. Лихачев Д.С. Прошлое – настоящему. Статьи и очерки. Л., 1985.
10. Соловьев А.П. Сын Мариона. М., 1989.
11. Соловьев А.П. Рождение государства. Махачкала, 1992.

References (transliterated):

1. Esalnek A.YA. Tipologiya romana. (Teoreticheskie i istoriko-literaturnye aspekty). M., 1991.
2. Medzhidov K. Doktor s beloy pryad'yu. M., 1971.
3. Ramazanova P.K. Hronotop v dagestanskom istoricheskom romane: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Mahachkala, 2005.
4. Ibid.
5. Abu-Bakar A. Manana. Mahachkala, 1987.
6. Kerimov I. Mahach. Mahachkala, 1964.
7. Ibid.
8. Abu-Bakar A. Op. cit.
9. Lihachev D.S. Proshloe – nastoyashchemu. Stat'i i ocherki. L., 1985.
10. Solov'ev A.P. Syn Mariona. M., 1989.
11. Solov'ev A.P. Rozhdenie gosudarstva. Mahachkala, 1992.

12. Яхъяев М.С. Три солнца: Повесть об Уллубии Буйнакском. М., 1985.
 13. Там же.
 14. Абу-Бакар А. Указ. соч.
 15. Соловьев А.П. Рождение государства. Указ. соч.
 16. Там же.
 17. Яхъяев М.С. Указ. соч.
 18. Абу-Бакар А. Указ. соч.
 19. Там же.
 20. Щедрина Н.М. Исторический роман в русской литературе по последней трети XX века. (Пути развития. Концепция личности. Поэтика). Уфа, 1995.
 21. Октябрьская О.С. Русский исторический роман 70–80-х годов XX века (проблема жанра): дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
 22. Пospelov Г.Н. Теория литературы. М., 1978.
 23. Соловьев А.П. Указ. соч.
 24. Там же.
 25. Хуршилов М. Сулак – свидетель. Махачкала, 1990.
 26. Соловьев А.П. Рождение государства. Указ. соч.
 27. Там же.
 28. Алиев Х. Батырай. Махачкала, 1994.
 29. Соловьев А.П. Рождение государства. Указ. соч.
 30. Вагидов А.М. Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала, 2005.
 31. Хуршилов М. Указ. соч.
 32. Соловьев А.П. Сын Мариона. Указ. соч.
12. Yahyaev M.S. Tri solntsa: Povest' ob Ullubii Buynakskom. M., 1985.
 13. Ibid.
 14. Abu-Bakar A. Op. cit.
 15. Solov'ev A.P. Rozhdenie gosudarstva. Op. cit.
 16. Ibid.
 17. Yahyaev M.S. Op. cit.
 18. Abu-Bakar A. Op. cit.
 19. Ibid.
 20. Shchedrina N.M. Istoricheskiy roman v russkoy literature posledney treti XX veka. (Puti razvitiya. Kontseptsiya lichnosti. Poetika). Ufa, 1995.
 21. Oktyabr'skaya O.S. Russkiy istoricheskiy roman 70–80-h godov XX veka (problema zhanra): dis. ... kand. filol. nauk. M., 1989.
 22. Pospelov G.N. Teoriya literatury. M., 1978.
 23. Solov'ev A.P. Op. cit.
 24. Ibid.
 25. Hurshilov M. Sulak – svidetel'. Mahachkala, 1990.
 26. Solov'ev A.P. Rozhdenie gosudarstva. Op. cit.
 27. Ibid.
 28. Aliev H. Batyray. Mahachkala, 1994.
 29. Solov'ev A.P. Rozhdenie gosudarstva. Op. cit.
 30. Vagidov A.M. Dagestanskaya proza vtoroy poloviny XX veka. Mahachkala, 2005.
 31. Hurshilov M. Op. cit.
 32. Solov'ev A.P. Syn Mariona. Op. cit.